

A vibrant photograph of watermelon slices splashing in clear water. The water is splashing upwards, creating many small bubbles and droplets. The watermelon slices are bright red with some green rind visible. The background is a light blue color.

Леонид Колос

Арбуз

16+

Леонид Колос

Арбуз

«Автор»

2017

Колос Л. Л.

Арбуз / Л. Л. Колос — «Автор», 2017

События, происходящие в этом рассказе, не назовешь драматическими. Никто не рискует жизнью. Все почти обыкновенно. Но только почти. И все же можно сказать и так — обычный рассказ о любви.

© Колос Л. Л., 2017

© Автор, 2017

На четвертый день занятий новому преподавателю на семинаре вздумалось затеять переключку. Прямо как в школе. Когда он произнес фамилию Вайнтрауб, перекликаемые удивились, и стали объяснять преподавателю, что тут, наверное, ошибка. Вайнтрауб учится, по крайней мере, до этого момента, три года проучился, в совершенно другой группе. Никто не слышал, чтобы он собирался переводиться на их факультет. А если он перевелся их группу, то, во всяком случае, его в аудитории нет. Но упрямый преподаватель всмотрелся в свой талмуд и прочитал.

– Вайнтрауб Светлана Николаевна.

И тут смущенно отозвалась Светка Петрова. Оказывается, никакой канцелярской ошибки не было. Не скажешь, что группа тихо ахнула. Это больше касалось девочек. А девочки умеют хранить гробовое молчание. словно это минута молчания или вынос знамени. Преподаватель не почувствовал момента, но переключка пошла через пень колоду. Была получена столь обильная почва для отвлеченных размышлений, что это мешало сосредоточиться. Ганина, которая оказалась в списке сразу за Светкой, съязвила, что она пока Ганина. Фамилию Гринблат пришлось повторять два раза. Полина не сразу откликнулась. Ей, комсоргу, было о чем подумать.

Просто так фамилию Петрова на фамилию Вайнтрауб не меняют. Светкины подруги, особенно те, что душа в душу прожили с ней два года на Стромьнке, а потом год на Соколе, прежде всего, удивились, почему их грубо обошли. Светку напрямую не спрашивали, но присматривались к ее фигуре, изменения в которой могли бы объяснить резкую смену фамилии. Но никаких изменений не просматривалось. И после долгих размышлений решили, что Вайнтраубы элементарно пожадничали. Вот и провернули все на каникулах. И только сейчас спустя несколько учебных дней девочки заметили, что Светка-то в общежитии на Соколе не живет. И не будь переключки, Светка могла маскироваться и дольше. Но время все равно расставит все по местам.

Но как до этого дошло? Девочки в группе просеивали свои воспоминания через мелкое ситечко. Лена Литвинова вспомнила, что вроде бы еще на втором курсе, Петрова повиликала хвостом перед Вайнтраубом. Шабрина высказалась в том духе, что Светка дает. Глупо сменила русскую фамилию на невесть что. И в том, что они замотали свадьбу, сказала фамилия. А Ганина сказала, что это как раз Вайнтрауб дает. Москвич, и собой недурен, а женился на иностранном кузнечике. Или даже мухе – цокотухе. Когда с подачи Подзоровой выплыло слово мезальянс, девочки стали прикидывать, кто кого замезальянсил. Ганина высказала мудрое, но уже неактуальное предложение, что лучше бы Вайнтрауб взял Светкину фамилию. Петровым ему бы стало проще жить. И Светке тоже.

Теперь, в начале нового семестра, с большим запозданием до девочек дошло, почему прошлой зимой на общей физической подготовке, рядом с Петровой на лыжне частенько выныривал Валерка. Тогда бы им задуматься. Ведь расписание его группы не совпадало со Светкиным. Вот оно что! Значит, сие было не простым совпадением. Значит, Валерка, пропуская занятия, таскался в Измайловский парк, не из спортивного интереса, и не ради благородного патронажа, чтобы уберечь приехавшую из бесснежного города Шевченко Петрову от падений на лыжне. Таскался, чтобы лишний раз подержать ее за локоток и за иные, абсолютно не вдохновляющие, по мнению Ганиной, места.

Вот и додержался! Вот и сказались последствия лыжни! Конечно, лыжи на легком морозце в парке, да еще с таким воробышком, у которого и румянец на щеках, и озорно выбивается белая челка из-под синей лыжной шапочки, – это подкупает. А если синяя шапочка гармонирует с синевой ее глаз, а красный бубон на шапочке, похож на бултыхающееся в сладкой истоме Валеркино сердце, и находится на его уровне, – это трогает, это подкупает. И ее лыжная безграмотность очаровывает. Справедливости ради комсорг группы Гринблат отметила, что и

великого Маркса в женщине подкупала слабость, но Маркс не растрачивал свои способности на лыжные прогулки с дамами.

Что касается Полины, она тоже частенько падала на лыжне. Но, увы, ей приходилось выкарабкиваться самостоятельно. Мало того, ей передали, что кто-то из парней сострил, что Полине лучше бы не на лыжах ходить, а ядро толкать. А ведь лыжи самая популярная в Москве зимняя спортивная дисциплина. Но Полина лыжи не уважала, считая, что для члена институтского комитета комсомола, лыжи далеко не самое главное.

Вайнтрауб, которого прежде относили к категории «в общем, то ничего», после новостей с Петровой был девочками Светкиной группы низведен до разряда сентиментальных идиотов, и тихушников. Он оказался таким конспиратором, таким партизаном, что зимой, и даже весной, когда снег сошел, девочки еще не списывали Вайнтрауба из «в общем, то ничегошного», разряда

Девочки проморгали развитие событий, которое довершила весна. Свежая травка и цветущие деревья впечатляют сентиментальных идиотов сильнее, чем лыжня. Шепот молодых листьев, подобен заговорам шаманов. Идиоты смотрят в глаза своих пассий и забывают поглядывать на календарь. Счастливые не наблюдают часов, а счастливые идиоты даже не смотрят в календарь. А ведь человечество не зря сделало такое великое изобретение, как календарь, не напрасно на протяжении веков его подправляло. Даже сам папа Римский. Большевики ввели новый стиль не от нечего делать, а для торжества прогрессивного человечества. А те, кто не смотрит в календарь, которые плетутся в хвосте у прогрессивного человечества, вдруг обнаруживают, что весна закончилась. Впереди сессия и беспощадное сражение за выживаемость.

Потоки любви протекают подобно рекам по пересеченной местности. Много зависит от уклона, и больше уклона дамы, чем кавалера. То у нее настроение соответствует малому уклону, и течение плавное, то уклон становится больше, и поток быстрее. А потоки студенческой любви вдобавок к вышесказанному зависят от проходимости изучаемых дисциплин. Некоторые из них такие, что просто дебри. Однако в самом начале, по пересеченной местности течет не поток любви, а робкий прозрачный ручеек взаимной симпатии, где виден каждый камешек на дне, и через который можно легко переступить. И не придать значения. Чуть дальше это уже можно назвать рекой. Еще дальше поток подхватывает, не устоишь, и несет помимо твоей воли. И торчащие из инженерных дисциплин разнообразные балки, швеллеры, рамы и фермы, становятся помехами, перегораживающими поток. А течение так набирает силу, что неизвестно, кто кого: курсовые станут затором или богатырской силой, позволяющей и китайский за ночь выучить, все заграждения сломит и откроет простор. Как всегда, высокие завалы курсовых и ошеломительные прорехи в знаниях обнаружили внезапно. А грохочущий где-то впереди водопад сессии грозил стать смертельным номером. Страшно даже заглянуть в ревущую стремнину, перемоловшую множество судеб. Не так обидно, если бы это была первая сессия. А тут, три года коту под хвост. Валерке светила армия. И что тогда? Жди солдата?

Первое, что сессия сотворила, она разделила пару, развела в разные стороны, потому что у них были разные факультеты и немного разные предметы, и совсем разные расписания консультаций, зачетов и экзаменов. Светка, теперь не видела Валерку и не видела ни белого света, ни свободной минуты. Она барахталась и тонула в учебниках, захлебывалась формулами. Прежде игнорируемый календарь теперь бросал ее в дрожь. Даже неспешное кружение стрелок обычного будильника приводило в трепет, как движение ужасного карающего механизма. Светка, еще Петрова, бегала за консультациями в комнаты к мальчикам, выдавливала, выдаивала, выщевивала ответы на свои вопросы. От Валерки она помощи не ждала. Он сидел дома в засаде над книгами. А в их положении даже езда от Валеркиного Измайлова до Светкиного Сокола была непозволительной тратой времени. Поэтому достаточно долгое время Валерка даже не маячил на горизонте. Наверное, это и сбило с толку коллектив. И если раньше

Валерке никак не хватало времени, чтобы сесть, и не торопясь, взвесить все Светкины плюсы и минусы, то тут стало просто не хватать времени, чтобы не вылететь с треском из института.

Они все-таки выкарабкались. Одолели самый зубодробительный этап обучения, первые три курса. И жизнь расцвела новыми красками. Три курса это уже неполное высшее образование. И после воссоединения в эйфории каникул первый Валеркин счастливый вздох заново родившегося человека был молниеносно ухвачен, с быстротой стрижа, хватающего мошку. Петрова, не петрившая в точных дисциплинах, во вздохах петрила. Безобиднейший Валеркин вздох был зафиксирован и ухвачен. Вздох – штука двухступенчатая. Состоит из вдоха и выдоха. Петрова зафиксировала, что вдох у Валерки счастливый. И на выдохе она дожала его до предложения руки и сердца. Впрочем, так было на самом деле, или не совсем так, никто не знал. Девочки в группе решили, что так.

Что же касается мужской части группы, тут Светкины метаморфозы никакого фурора не произвели. Кому какое дело до Вайнтрауба с другого факультета и до малозаметной Петровой. Разве что Роберт Лорьян отпустил пару сальностей о несоответствии весовых категорий молодых и странной причудливости Валеркиных предпочтений. Причудливость в предпочтениях фамилий мало кого тронула. А что касается Леши, новость насчет Петровой не тронула его абсолютно. С Валеркой он практически нигде не пересекался, и к Петровой за все время не шевельнулось ни малейшего интереса.

Но, как говорится, назвался Вайнтраубом – полезай в таком виде во все институтские списки. Светка стала первой в их группе, вышедшей замуж. То, что они долго конспирировались – это простительно. А вот то, что они зарегистрировались втихую – так порядочные люди не поступают.

Теперь, в сентябре, Светка понемногу уразумевала, что такое быть Вайнтрауб, а не Петровой. Сначала она могла притаиться, замаскироваться в середине списка, и ее фамилию не так часто называли во время спонтанных проверок и опросов. Кого интересует фамилия Петрова? А теперь с фамилией редкой, длинной, бросающейся в глаза, стоящей в самом начале списка, она светила, как экзотическая птица с ярким оперением. Теперь стрелы опросов летели в нее. Такой нездоровый интерес к ее особе был ей и нов, и неприятен.

– А ничего не поделаешь. Думать нужно было. Ты не в Чикаго, моя дорогая, – заметил на ее жалобы Лорьян, – Это на проклятом Западе, у буржуев букв «в» целых две. Словно им одной буквы мало. И что примечательно, обе находятся в хвосте буржуйского алфавита. Поэтому до фамилии Вайнтрауб у буржуйских доцентов руки не доходят. Им на фамилию Вайнтрауб чихать. А нам нет. Нам очень даже интересно, что это за фамилии такие. Какими судьбами они затесались среди Петровых, Ивановых и Лорьянов. И что от таких фамилий можно ожидать?

Не скажешь, что на молодых Вайнтраубов, после того, как каждому впендюрили по печати в паспорт, снизошел неземной свет. «Я любовников счастливых узнаю по их глазам» писал поэт. Но по глазам молодых Вайнтраубов ничего не узнавалось. Регулярные, освященные законом, сокопления их почему-то совсем не меняли. Миниатюрная, курносая Светка оставалась все такой же миниатюрной. И такой же немногословной и малоконтактной. И ни с кем секретами семейной жизни не делилась. Словно она не Вайнтрауб, а все та же Петрова. Валерке же вместе с тем, как ему досталась Светка, стало доставаться со всех сторон. Молодого супруга, редкость на потоке, начали подкалывать при каждом удобном случае. Он поначалу пытался отшучиваться, но, в конце концов, растеряв чувство юмора, стал огрызаться. Сашка Барашкин, который жил в Измайлово, и был Валерке почти соседом, знал ситуацию подробнее. Он объяснял Валеркину нервозность тем, что любовную лодку Вайнтраубов колошматит о рифы быта. У Валеркиных родителей квартира двухкомнатная. А там еще сестра – старшеклассница. Когда Валерка таскался со Светкой по киношкам, ходил на лыжах, он о квадратных метрах не думал. Он даже воображал, что он из обеспеченной и интеллигентной семьи. А ока-

залось, что вся обеспеченность в том и состоит, что обеспеченным родительской квартирой комната в общежитии не светит. Хоть выписывайся от родителей, меняй свою фамилию Вайнтрауб на Петрова, присоединяйся к многотысячной армии бездомных Петровых и обивай пороги, чтобы поставили на очередь. А что говорить об интеллигентности, так она, оказывается, производная от квадратных метров. О ней при стесненных квартирных условиях можно поспорить. Валерка ходил к заместителю ректора по быту, и был доверительно проинформирован, что если бы женатым студентам давали бы комнату в общежитии, он бы, замректора, сам развелся бы с женой и притулился бы к студенточке посимпатичнее. Институт, сказал ему замректора, это кузница кадров, но не кузница населения.

Получалось, что поодиночке молодые Вайнтраубы вписывались в общество, Валерка у предков, а Светка – в общежитии. А только они законно слепили ячейку общества, общество слепило им дулю с маком. Как подметил Роберт Лорьян, расписались и не вписались.

Светка Петрова – Вайнтрауб была первой ласточкой, первой представительницей семейной молодежи в группе. А, как считала Полина Гринблат, быт семейных комсомольцев находится в сфере интересов партии и правительства. Временная бытовая неустроенность может быть ими превратно истолкована. А вместе с ней превратно истолкована социалистическая действительность и политика партии и правительства. Мало кто в группе мог похвастать излишками родительской жилплощади, и поэтому Светка рассматривалась как пробный шар, глядя на отскакивания которого рикошетом от всех инстанций, можно предвидеть и будущие превратности собственной судьбы.

Молодые нашли в Кусково угол. Но в этот угол улетала вся наличность. Сексуальную озабоченность сменила озабоченность денежная. И Валерка, переставший нервничать по поводу тесноты и невозможности выполнения супружеского долга, стал нервничать по поводу нищеты и денежных долгов.

Как Леша был далек от Валеркиных забот! Слово они живут на разных планетах. В отличие от Валерки он не мог просчитать наперед свою интимную жизнь. Если ее так вообще можно назвать. Тут как бог положит. А вот свою финансовую базу Леша мог просчитать вперед на весь семестр: стипендия, плюс пятьдесят рублей, что присылали родители – не разбежишься, но при разумных тратах, без финансовых катаклизмов – вполне сносно. А финансовая база – краеугольный камень существования.

Однажды всезнающий Барашкин поведал Леше, что Валерка нашел выход. Он разгружает ночью картошку на овощебазе за Преображенкой. И выходит у него за ночь так прилично, что окрыленный Вайнтрауб звал в компанию Барашкина. Сообщив эту благую весть, Барашкин вопросительно посмотрел на Лешу. Как такая идея? Барашкина Лешино мнение интересовало. Такой лось, как Вайнтрауб, перетаскает тонну мешков с картошкой, не почешется. Другое дело Барашкину, единственному сыну одинокой мамы, положившей на него жизнь и лелеявшей его не хуже нежного домашнего цветка. Саша и в школе не дружил с физкультурой. У него было небольшое плоскостопие, незаметное в быту, но мешавшее быстро бегать и отозвавшееся некоторой полнотой и ненавистью к физическим нагрузкам. Предложение Вайнтрауба казалось ему заманчивым, но рискованным, как плаванье Колумба. Как Колумб отправлялся в путешествие за сокровищами Индии, так и Саша готов был отправиться на овощную базу за длинным и необлагаемым маминым оком рублем. Но побаивался.

Саша не голодал. Но, если любой студент из общежития был хозяином своим деньгам, то Саша стипендию отдавал маме. А, как она выразилась, сделала ему полный пансион: купила, ему единый проездной, – и отстегивала на обед. И контроль за финансами сына обеспечен. Саша не решался заявить, что не единым единым проездным жив человек. А когда он услышал про овощную базу, он как зачесалось пошуршать в кармане неучтенными мамой купюрами. Но Барашкин боялся, что не потянет нагрузки, и искал компаньона. Леша, слушал Барашкина, с

сомнением. Овощебаза не пересекалась с его планами. Его и без базы все устраивало: и денег хватало, и на книжке после стройотряда еще чуть-чуть оставалось.

Барашкин скоро отыскал другого напарника, Лорьяна. У того деньги не держались. Но Лорьян, тоже был не Геркулесом. Все же его стихия – пульки писать, да за бабами ухлестывать, требовала финансовой подпитки. И он решился на то, чтобы ночью таскать мешки с картошкой. И все-таки им нужен был третий. И они вдвоем подкатили к Леше. Сладкоголосый Лорьян пел Леше рулады, и пакгаузы овощной базы засверкали, как кладовые алмазного фонда.

Встречались у метро. Валерка Вайнтрауб, в этот раз не работал. Светка потребовала сделать перерыв. Но он заранее проинструктировал Барашкина, что им нужно делать. Нужно найти мастера по имени Люба. Найти ее легко. Она горбатая. Так и спросить горбатую Любу.

Люба, женщина, где-то между тридцатью и сорока годами, была, как горбуны, невысока ростом. Голова ее казалась для такого роста непропорционально большой. Ожидается, что горбун состоит из углов. Но в Любе было больше овалов и в лице, и в фигуре. Ее горбатость и кривизну скрадывали ватник и огромный, от груди до резиновых сапог, грязный фартук из плотной прорезиненной материи. Единственной выдающейся деталью на этом фартуке был нашитый по центру огромный карман с козырьком, застегивающимся на армейскую пуговицу. Этот карман служил хранилищем денег, и Люба ходила, то и дело, прикладывая руку к карману, как беременная держит руку на животе. А при расчете, как при родах, она вздыхала, кривилась, отстегивала пуговицу, запускала правую руку в карман, и на мгновение замирала в такой позе, нащупывая нужную сумму. И, что удивительно, она редко ошибалась, словно знала купюры на ощупь.

Первые три ночи у бригады: Лорьян, (бригадир), Барашкин, и Леша, – все шло, как по маслу. Люба подводила бригаду к вагону и сообщала, что работа стоит столько-то. Согласен – разгрузай, не согласен – свободен. Разгружали. Дело было прибыльным. Не скажешь, что так уж захрустели в карманах денежки, но, жизнь изменилась. Хотя изменилась она для каждого по-своему. Лорьян, раздал долги, позволил себе сводить Наташку Трофимову, под которую он в это время подкатывал, в кафе, потом позволил себе пульку, вылетел в трубу, и ждал новых ночей на базе. У Леша прибыли хватило только на гастрономическую сторону жизни. Он уже не оглядывался на цены в кафе. Но мог перейти с пельменей и котлет на бифштекс. Он мог зайти покушать не столовую – стекляшку а в более дорогое заведение общественного питания. Он мог бы себя ублажить и рестораном. Но в ресторан его не тянуло.

В душе Саши Барашкина свободные деньги вызвали смятение. Его карманные деньги до сих пор контролировались мамой. А теперь мама утратила контроль. Работа была сдельной, ночь на ночь не похожа. Поди, проверь. Саша отчитывался, но мама подозревала, что сын преуменьшает свои доходы. По карманам она не шмонала. Но опасалась, что при неучтенных деньгах, сынуля того и гляди, пойдет в загул. Саша же, действительно, имея возможность утаить рубль, другой, растерялся от пухнувшей на глазах утаенной суммы. В загул он не уходил, хотя бы потому что не знал, где там вход. В общежитии? Если в общежитии, где конкретно. Ему, выросшему под маминым контролем, нужна была табличка «вход в загул». А деньги прибавлялись, и он не представлял, как их потратить.

Барашкин работал с маминого согласия. Иначе и не мыслилось. Но, в этом, казалось бы, совершенно независимом от мамы мероприятии, чувствуя ее десницу, он завидовал своим напарникам. Им не перед кем было держать отчет. А он с базы, с автомата на проходной обязательно отзванивался маме. Кое в чем Саше было проще. Лорьяну и Леше приходилось после окончания работы кантоваться на базе, чтобы не торчать перед запертой на ночь дверью института. А Саша, не дожидаясь расчета, – Лорьян отдавал ему его долю уже в институте, – валил домой и успевал хоть немного поблаженствовать на мягком диване и привести себя в надлежащий вид. И как доказательство того, что он трудился на базе, а не шлялся неведомо где, как

его папаша, Саша всегда прихватывал в кармане пару луковиц. Благо, с луком на базе проблем не было. Леша и Лорьян тоже не покидали базу пустыми. Но для них луковицы являлись не отчетом, а добычей. Первые пару дней Саша отдавал почти все деньги маме, но мама ввела новую экономическую политику: она не посягала на Сашин приработок, но урезала его обычное ежедневное финансирование на столовую. И даже при этом у Саши после нескольких ночей накопились свободные деньги. Накопление капитала, по Марксу, меняет человека. Саша пока, не придумав, на что потратиться, просто запрятал деньги среди конспектов, подальше, в тот дальний угол ящика, до которого, как он наивно полагал, не дотянутся мамы руки.

После нескольких ночей был сделан перерыв, чтобы отоспаться. Ведь учебный процесс никто не отменял. Но Лорьяна вновь выбросило на мель. Да и Леша, обнаружив, что все оказалось не так обременительно, и, войдя во вкус, подумывал о возобновлении трудового десанта. И Барашкин, почувствовавший с деньгами в кармане себя человеком, был определенно за продолжение.

Проработали еще несколько ночей. Им казалось, что получается здорово. Мало того, что деньги зарабатываешь, так дополнительно еще можно в пакгаузах найти подножный корм, овощи и фрукты, которые можно съесть на месте. Никто слова не скажет. А еще можно что-нибудь мелкое, типа яблок притырить в карманы. Выносить не позволяли. На проходной следили. Но уж до шмона по карманам не опускались.

И институт никуда не убежит. Четвертый курс – не первый. Нагрузка не то, чтобы меньше, но привычнее, преподаватели доброжелательнее и человечнее.

Но едва они вошли во вкус, Люба стала финтить: пока, говорит, работы нет, вагоны не подали, подождите, никуда не уходите. Скажет и слиняет. Они первое время по наивности, ждали, потом искали ее. Но, попробуй ее найди. База большая: платформы, пути, вагоны, пакгаузы. Темно. Пакгаузы освещены слабо.

Вот бригада вагон разгружает. Спросить про Любу? Глядят исподлобья. А типы на разгрузке еще те. Барашкин дал этому логичное объяснение: на базе характеристики и рекомендации не требуются, трудовую книжку и паспорт не спрашивают, берут кого ни попадя. Добрая половина после зоны. Руки в наколках. Он как-то приметил, каким фонарем они арбуз резали.

Одну ночь, они так долго искали Любу, что, не найдя, плюнули и ушли, чтобы, раз уж нет работы, поспать, дома по-человечески. Тогда Леша и Лорьян, жившие на Соколе, едва-едва успели в метро перед закрытием. И уяснили для себя: если работы нет, уходи сразу, чтобы не пролететь с метро.

И вот снова Люба оставила их в подвешенном состоянии, сказала ждать и пропала. А когда они ее все-таки нашли, подвела к вагону.

– Есть только такой, он, правда, уже полуразгруженный. Так что, плачу за половину вагона.

– Вы что! – возмутился Лорьян, заглянув внутрь вагона, – Тут, считай, девяноста процентов осталось.

– Ты процентами мозги не пудри, проценты – доценты, – Люба, чувствовала себя хозяйкой положения, – Не я правила придумала – початый вагон стоит половину. Берете? Работайте. Не берете – до свиданья, – они молчали, – Ну, думайте, только недолго. Не начнете, у меня через полчаса бригада освободится. Я их поставлю.

И она ушла. Жаловаться некому. А они решили плюнуть и на вагон, и на горбатую Любу и скорее выбраться отсюда. Если автобусы закончат ходить, до метро не успеешь. Однако гордый горец Лорьян не мог стерпеть унижения. Он жаждал сатисфакции. Еще раньше он приметил, где лежат арбузы. И если с ним так по-свински поступают, без арбуза он не уйдет. Именно арбуз, а не лук и не яблоко. Такой весомой вещью он бросает вызов системе. Естественно, через проходную с арбузом не пройдешь. А база огорожена высоким забором. А если перебросить арбуз через забор? Конечно, по периметру забора горят фонари. Однако, стоит попробовать.

Вот это и будет вызовом системе. Не все фонари горят. Посредине между фонарями, да еще в тени забора, достаточно темно. А наличие фонарных столбов даже упрощает дело, потому что по ним можно ориентироваться. Можно заранее договориться, у какого не горящего столба сходиться. Он, Лорьян, подойдет с арбузом с внутренней стороны забора, а Барашкин с Лешей с внешней. А что собаки тут, говорят, бегают, так у него дома в Минводах две овчарки. Он знает, как с ними общаться.

Леша и Барашкин подошли с внешней стороны забора у условленного места встречи и ждали, когда Лорьян подаст признаки жизни. Леша нервничал, молча, вытягивал руку, указывая Барашкину на часы: промедление смерти подобно, можно опоздать в метро. Наконец они услышали Лорьяновское ку-ку. И отозвались своим ку-ку. Но, по голосу не определишь точку приземления арбуза. А точность тут должна быть ювелирной. И для расчета момента приземления нужна не меньшая точность. Полет арбуза – дело долей секунды. Сложно ловить черную кошку в темной комнате. Не легче среди черной ночи поймать летящий из темноты арбуз. Но вот Лорьян сказал «пли» и из темноты принеслось черное ядро. Леша едва успел ухватить его. Арбуз был треснувший. Чтобы удержать мокрый и скользкий арбуз, Леша, потянул его на себя, прижал, как вратарь прижимает мокрый мяч. Не упустил.

– Поймали? – послышался из-за забора голос Лорьяна.

– Да, – коротко ответил Леша, боясь, что охрана засечет их.

– Ловите второй. Я взял на всякий случай два.

– Вот мать твою, – едва успел сказать Леша, как из темноты полетел второй арбуз.

Второй был крупнее. Леша чуть не выронил. Но дело было сделано. Они припрятали арбузы в кустах. Оставалось соединиться уже на свободе с Лорьяном. Лорьян что-то не торопился. А драгоценное время уходило.

Наконец пошли к остановке. Большой арбуз нес Леша. Тот, что поменьше, нес Роберт. А Барашкин нес свою, Лешину и Робертову авоськи с рабочей одеждой. Остановка была пуста. Ждать неизвестно чего в такое время нет смысла. А до метро три остановки. Решили, если по ходу их догонит автобус, проголосуют. Подберет, куда денется. Потопали.

Большой арбуз, который нес Леша, истекал сладким соком. И он держал его на расстоянии. Ночной автобус их не нагнал, а нести такой груз три остановки – непросто. Поэтому, на полпути переформировались: Леша засунул Барашкинские вещи в свою авоську, а в его холщовую сумку поместили арбуз. Когда они вышли к метро, поняли, не видеть им родных пенатов. Метро закрылось.

Лорьян предложил двигаться к центру, хотя бы до вокзалов. Там в зале ожидания можно дожждаться, когда начнет ходить транспорт. Барашкин, конечно, мог бы повернуть и попилить домой. Дойдет. Что он потерял на вокзалах? У Лешы и Лорьяна просто не было выбора. До Сокола, в общагу, не дойти. На такси денег нет. Роберт, при бросании арбузов потянувший плечо, завел речь, почему бы арбуз не нести Барашкину. Но Саша объяснил, что ему из-за плоскостопия носить тяжелые предметы на большое расстояние противопоказано. Барашкин оказался перед трудным выбором: если он согласится нести арбуз, родного уютного Измайлова ему в эту ночь не видать. Но если не согласится нести и уйдет домой – не видать ему арбуза. Он предложил более простое решение: один арбуз съесть на месте.

– Для этого я кидал его через забор? – возмутился Лорьян.

– А для чего? – наивно улыбнулся Барашкин, – Чтобы им любоваться?

– Кто ест арбуз на улице среди ночи? Арбуз едят за столом в хорошей компании,

Роберт задумался: Он с большим плечом – не носильщик, Барашкин – не ходок, а Леша не мог нести два арбуза. И согласился с Барашкиным. Конечно, они сделали это интеллигентно, по-людски рядом с урной. Они разрезали меньший арбуз на дольки, – теперь спешить им было некуда, – и съели. Съесть одним махом на троих арбуз таких размеров не просто. Конечно,

никакого гастрономического наслаждения такой процесс поедания не доставил. Только удовлетворение от того, что не зря несли.

Сырые и холодные ночные улицы казались бесконечными. Не то, что на Сокол, даже до вокзалов идти – околеешь. Как-то сам собой напросился реально достижимый пункт – Стромынка. Стромынка действительно была поблизости. Это огромное строение когда-то было конюшнями какого-то элитного кавалерийского полка, потом общежитием МГУ. Но после того как университетских переселили в новый комплекс на Ленинских горах, в освободившееся здание, как в Ноев ковчег, набили студентов разных ВУЗов. Стромынка была смешанным общежитием. Кто тут только ни жил. Девочки и мальчики, белые и желтые, и даже черные. Вавилонское столпотворение. На Стромынке с первого по третий курс жили девочки из их института. А иногородним мальчикам – первокурсниками говорили: ищи жилье сам. Институт немного подкинет. Зато на втором курсе отмучавшиеся мальчики начинали понемногу переселяться в общежитие на Сокол. А девочки подтягивались туда уже на третьем курсе. Получалась несостыковка. Девочки на Соколе третьекурсницы и старше. Второкурсникам не по зубам. Поэтому Лорьян говорил, что для него куда лучше Стромынка.

Серьезные праздники справляли на Стромынке. Причина проста. На Стромынке комнаты большие, по пять – шесть девочек в комнате. И мальчики, – а именно мальчики оказывались в гостях, – имели возможность побродить по длинным коридорам и поискать добавочных приключений. Конечно, приключения проще найти, когда праздник всесоюзный, и гуляет вся общага. Лорьян утверждал, бывало, задерживался на Стромынке за полночь, и не случалось, чтобы он не нашел приюта. Правда, тогда на Стромынке еще жили девочки из их группы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.